

УДК 94-051

ИСТОРИК: МИССИЯ И ПРОФЕССИЯ***М. Н. Лукьянов***

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
mloukianov@gmail.com

Рецензируется сборник «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков» (Челябинск, 2011).

Ключевые слова: историческое знание, историография, методология истории.

В сборнике представлены материалы международной научной конференции Российского общества интеллектуальной истории «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков», состоявшейся в Челябинском государственном университете 17 – 19 ноября 2011 г.. В изданиях такого типа обычно собираются весьма разнородные материалы, и редакторам бывает крайне трудно их организовать и придать им хотя бы относительную цельность. Впрочем, можно констатировать, что в данном случае эту задачу удалось решить вполне успешно.

В материалах сборника представлены две основные темы: во-первых, методология, социальные функции и предназначение исторического знания и, во-вторых, история исторической профессии, институты, формы и результаты профессиональной деятельности историков. Наиболее объемный материал в рамках первой темы – статья председателя правления Российского общества интеллектуальной истории Л.П. Репиной «Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры». Предметом историографии автор ее считает развитие исторического сознания. Его изучение рассматривается как составная часть интеллектуальной истории, исследующая представления людей о своем прошлом. Репина справедливо указывает, что эпоха постмодерна способствовала релятивизации истории, акцентированию роли субъективных обстоятельств в формировании исторической информации. Однако из признания субъективности мнений о прошлом едва ли стоит делать вывод об их заведомой недостоверности. Как справедливо указывает автор, «текст, который “искажает информацию о действительности”, не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» (с. 25–26).

О важности историографии как хранителя национальной памяти и, шире, национальной идентичности свидетельствует статья А.Г. Васильева, посвященная польской историографии конца XVIII – начала XX в. Предлагая различные, иногда диаметрально противоположные, объяснения упадка Польши, историки поддерживали общественный интерес к теме (с. 105). В результате, несмотря на отсутствие польской государственности, польское национальное историческое сознание сохранялось и стало важнейшей предпосылкой ее возрождения после Первой мировой войны.

Значение субъективного момента для исторического исследования, «лирической историографии», подчеркивает И.В. Нарский. Если в профессиональной деятельности историка в принципе невозможно избавиться от субъективного налета и к субъективности академической с неизбежностью добавляется чисто человеческая субъективность, то, может быть, стоит покончить с претензиями на объективность и заменить их откровенным признанием собственных пристрастий? Такой путь, по мысли Нарского, избавляет читателя от диктата автора и расширяет возможности диалога, дискуссии с ним, в то же время позволяя сосредоточить внимание на тех вещах, которые другой исследователь может не заметить (с. 50–51). Полностью соглашаясь с этой посылкой, все же укажем на очевидную опасность абсолютизации субъективности и превращения формулы «А я так вижу!» в основное доказательство.

Из других материалов, посвященных вопросам методологии, следует отметить статью М.П. Лаптевой о влиянии новых методологических парадигм на историографию. В процессе размышлений она приходит к выводу о том, что «наиболее важные последствия для исторического познания имеют антропологический и культурный повороты, принципиально меняющие характер работы историка» (с. 18–19).

Работы, опубликованные в сборнике, поднимают важную проблему взаимодействия отече-

ственной историографии и зарубежной. В.В. Согрин подчеркивает необходимость диалога между американскими и российскими историками. Главный довод в его пользу – полезность «взгляда со стороны» в условиях политизации исторического знания в национальных историографиях и присутствия в них противоположных версий и подходов. Автор отмечает большую готовность к такому диалогу российских ученых, чем американских, которые видят в себе скорее учителей, чем участников равноправного диалога (с. 71). Нельзя не согласиться с тем, что различие российской и американской историографии не должно возводиться в абсолют, а противоборство, как игра с нулевой суммой, заведомо менее продуктивно, чем диалог, дающий возможность взаимного обогащения. С этой точки зрения весьма поучителен опыт отечественных историков, сумевших преодолеть методологический минимизм советского времени и взять на вооружение достижения американской русистики, о которых пишет в своей статье В.И. Меньковский (с. 66).

Эти общие посылки, основанные на идее профессиональной общности историков и наличия сильных и слабых сторон в разных историографических школах, логичны, однако применительно к обсуждаемой проблематике все же нуждаются в уточнении. Безусловно, современная американская историография далеко не идеальна, но все же ее «удельный вес» в мировой науке заметно выше, чем российской. Во всяком случае, вклад американских русистов в изучение истории России более заметен, чем вклад российских американистов в изучение истории США. Причины этой ситуации представляются очевидными и носят объективный характер: большие материальные возможности и отсутствие такого жесткого идеологического прессы в США, как в СССР. И если последний ныне в России отсутствует, то ограниченность ресурсов постоянно дает о себе знать. Ее следствием, в частности, является совершенно неудовлетворительное пополнение отечественных библиотечных фондов исторической литературой, особенно зарубежной. В результате отечественные историки оказываются перед угрозой оказаться на задворках мировой науки.

О реальности такой угрозы свидетельствует статья С.А. Баканова, попытавшегося с помощью контент-анализа выделить основные тренды в мировой экономической истории. Главный вывод сводится к тому, что «в российской историографической традиции большинство из выявленных тематических кластеров либо отсутствуют полностью, либо представлены незначительным числом работ» (с. 126). Можно предположить, что в иных областях исторических штудий ситуация едва ли благоприятнее, и задача занять достойное место в мировом историческом сообществе остается для отечественной историографии весьма актуальной.

Очевидно, серьезный вклад в решение задачи обеспечить полноценное «присутствие» российских историков в мировой исторической науке могут внести историографические исследования, призванные аккумулировать профессиональный и социальный опыт ученых-гуманитариев. С этой точки зрения значительный интерес представляют публикации сборника, посвященные «исторической повседневности», профессиональным и социально-бытовым сторонам жизни историков. Так, Н.Н. Алеврас рассматривает диссертационный диспут рубежа XIX и XX вв., тональность и содержание отзывов оппонентов на диссертации, реакции диссертантов на критику в ходе защиты. А.В. Свешников подробно остановился на социальном статусе и стратегиях поведения дореволюционных аспирантов, а Н.В. Гришина – на разрушении диссертационной системы на рубеже 1910 и 1920-х гг. К этим работам примыкает и статья И.П. Кулаковой о визуальном образе человека науки в российской традиции.

Упомянутые работы наглядно демонстрируют преемственность в формах, содержании и общественном восприятии профессиональной деятельности историков с конца XIX по начало XXI в. В этот период историки, особенно начинающие, были озабочены поиском средств для существования: лишь около половины оставленных при кафедрах Петербургского университета в начале XX в. получали стипендию, к тому же довольно скромную. Значительное число начинающих исследователей оказывалось не в состоянии сдать магистерские экзамены и защитить диссертацию (с. 166–167). Да и сами возможности для проведения исследований, особенно по всеобщей истории, чаще всего вызвали неудовольствие и сожаление историков. Н.В. Гришина приводит в своей статье пассаж из диссертационного выступления О.А. Добиаш-Рождественской, заявившей о печальной необходимости вести исследование «о Франции без Франции» (с. 177). Под этой фразой с многочисленными вариациями относительно страны, историю которой приходилось изучать, не имея возможности поработать в ее библиотеках и архивах, могло бы подписаться не одно поколение отечественных специалистов по всеобщей истории, особенно из регионов.

Рубеж 1980 и 1990–х гг. знаменовался в этом отношении значительными позитивными сдвигами, однако и по сей день создание надлежащей исследовательской инфраструктуры (возможности финансирования командировок, закупок литературы и т.п.) остается актуальной задачей для исследователей не только всеобщей, но и отечественной истории. Очевидно, ее решение сопряжено с определенными расходами и, главное, с формированием представления об историческом знании как об интегральном элементе научного знания. Между тем готовность государственных и общественных институтов согласиться с этим вызывает большие сомнения. Вывод И.П. Кулаковой: «...стало ясно, что падение внимания к науке просто опасно, что в обществе реально существует спрос на знания и он опирается на достаточно сознательное отношение публики к общественным проблемам» (с. 186) – выглядит излишне оптимистичным. Во всяком случае даже на уровне общих деклараций понятие «наука» ныне прочно ассоциируется с исследованиями в области математики, естественных наук, медицины, но никак не гуманитарных дисциплин. Этот подход находит выражение и в политике в области высшего образования, в постоянном сокращении бюджетного финансирования гуманитарных специальностей. Похоже, выход из ситуации откровенной недооценки гуманитарного научного знания невозможен без активных действий самих историков, без осознания и защиты ими собственных корпоративных интересов.

Более половины объема сборника составили публикации на традиционные для отечественной историографии темы. Это исследования, посвященные классикам исторической науки и рецепции их трудов (Полибию, Э. Гиббону, Т.Н. Грановскому, В.О. Ключевскому, П.Г. Виноградову, А.А. Зимину и др.), образам прошлого в отечественной культуре, взаимодействию истории и политики (на примере нацистской историографии и русских историков-либералов).

Большой объем сборника и разноплановость помещенных в нем публикаций делает практически невозможной не только подробную его характеристику в журнальной рецензии, но и простое упоминание о всех материалах, этого достойных. Тем не менее уже сказанное свидетельствует о больших возможностях такой вполне традиционной, если не архаичной, формы, как сборник материалов научной конференции. Нельзя не отметить и традиционный для изданий историков Челябинского госуниверситета высокий полиграфический уровень сборника.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.10.2012

A HISTORIAN: MISSION AND PROFESSION

M. N. Loukjanov

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
mloukjanov@gmail.com

The author presents the review of the collection of articles "History and Historians in the Area of National and World Culture of XVIII - XXI Centuries" (Chelyabinsk, 2011).

Key words: historical knowledge, historiography, methodology of history.